

Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 52—61.

Woman in Russian Society. 2021. No. 4. P. 52—61.

Научная статья

УДК 316:004.738.5

DOI: 10.21064/WinRS.2021.4.4

**КОНТЕНТ-АНАЛИЗ ФЕМИНИСТСКИХ ИНТЕРНЕТ-
СООБЩЕСТВ ИНГУШЕТИИ:
ПОДНИМАЕМЫЕ ТЕМЫ И ПРОБЛЕМЫ**

Марина Руслановна Габараева

Владикавказский научный центр, Российская академия наук,
г. Владикавказ, Россия, mariina95@yandex.ru

Аннотация. Исследуются темы, поднимаемые в феминистских интернет-сообществах Республики Ингушетия. Для большинства республик Северо-Кавказского федерального округа такие сообщества — единичные явления, тогда как в Ингушетии их сразу три. Проведенный контент-анализ постов данных сообществ позволяет говорить об увеличивающемся социокультурном разрыве между гендерами, о нежелании многих девушек жить исключительно в соответствии с представлениями традиционного общества. Все чаще обсуждается насилие в отношении женщин, постепенно уходит стигматизация этой тематики. Традиционные семейные отношения все меньше вписываются в реалии современной жизни, а часть девушек и вовсе не хотят вступать в брак с представителями своей национальности. Увеличение количества разводов, снижение количества браков и падение рождаемости говорит об изменении демографической ситуации в регионе, все еще считающемся оплотом патриархальной традиционной семьи.

Ключевые слова: контент-анализ, гендерные отношения, семейные отношения, феминизм

Для цитирования: Габараева М. Р. Контент-анализ феминистских интернет-сообществ Ингушетии: поднимаемые темы и проблемы // Женщина в российском обществе. 2021. № 4. С. 52—61.

Original article

CONTENT ANALYSIS OF THE FEMINIST INTERNET COMMUNITIES OF INGUSHETIA: TOPICS AND ISSUES

Marina R. Gabaraeva

Vladikavkaz Scientific Center, Russian Academy of Sciences,
Vladikavkaz, Russian Federation, mariina95@yandex.ru

Abstract. The article examines the topics that are discussed in the feminist Internet communities of the Republic of Ingushetia. Over the past three years a number of feminist communities have emerged in the North Caucasian segment of the Internet. Typically most republics of the North Caucasus Federal District have just one such community each, while in Ingushetia there are three such communities. The content analysis of the posts of these communities allows us to conclude that there is a growing socio-cultural gap between genders. We can also say that many women are not willing to live in accordance with the ideas of traditional society. Violence against women is being discussed more and more often, and the stigmatization of this topic is gradually disappearing. Traditional family relationships do not fit into the modern realities of life, and some women do not want to marry representatives of their nationality at all. An increase in the number of divorces, a decrease in the number of marriages and a decrease in the birth rate indicate a change in the demographic situation in the region, which is still considered a stronghold of the patriarchal traditional family.

Key words: content analysis, gender relations, family relations, feminism

For citation: Gabaraeva, M. R. (2021) Kontent-analiz feministikh internet-soobshchestv Ingushetii: podnimaemye temy i problemy [Content analysis of the feminist Internet communities of Ingushetia: topics and issues], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 52—61.

Северный Кавказ многими воспринимается как оплот патриархального традиционного общества с крепкими семьями и четким распределением гендерных ролей. В действительности кавказское пространство многослойно: разные ценностные системы существуют одновременно даже внутри одной республики. Однако процесс разрушения патриархальных отношений, который начался еще в Советском Союзе, усилился в 2000-х гг. Нельзя сказать, что традиционная кавказская семья перестала существовать, но она переживает кризис, заметный во всех республиках региона.

Глобализация не могла не затронуть народы Северного Кавказа, а Интернет и социальные сети только способствовали начинавшимся изменениям, делая общество более открытыми. Альтернативные модели поведения стали приходить на Северный Кавказ как из Европы, так и с Востока. Новые культурные нормы постепенно разрушают традиционную замкнутость социума, а Интернет либерализует отношения между людьми, создавая новые брачные стратегии [Стародубровская, 2019].

В последние годы многие гендерные проблемы обостряются и начинают все более открыто обсуждаться (домашнее и сексуальное насилие, незащищенность

женщин). Насилие феминистские исследователи считают побочным продуктом патриархата, используемым мужчинами для обеспечения доминирования над физически более слабыми — женщинами и детьми [Bograd, 1988; Dobash R. P., Dobash R. E., 1979]. Зависимое положение женщины создает почву для морального насилия и давления, которому девочки подвергаются с детства при помощи постоянного контроля и подготовки с раннего возраста к роли жены и хозяйки. Неосведомленность о своих правах также усугубляет положение женщины. Однако постепенное разрушение патриархального общества и медиатизация, открывающая доступ к любой информации, показывают другую модель поведения.

Гендерные роли и границы на Северном Кавказе не статичны и оказываются под влиянием противоположных тенденций: модернизация сопровождается актуализацией традиционалистских форм организации социальной жизни [Верещагина и др., 2020].

Статистические данные показывают, что для семейных отношений в республиках СКФО характерны те же процессы, что и для семейных отношений в России в целом: снижение коэффициента брачности (с 2010 г.), постоянный рост коэффициента разводимости и постепенное уменьшение общего числа рожденных детей [Габараева, 2021]. Изменения семейных отношений напрямую связаны с изменениями гендерных ролей. Женщина, получившая возможность обеспечивать себя материально, становится менее зависимой от семьи и мужа. В современной реальности женщины обычно берут на себя как обязанности по финансовому обеспечению семьи, так и все домашние обязанности и воспитание детей. Слишком большая нагрузка, испытываемая женщинами, приводит к их нежеланию вступать в брак и разводам.

Особый интерес для исследования демографических тенденций представляют регионы, на момент распада СССР отличавшиеся высоким уровнем традиционализма в семейных отношениях — жесткими гендерными и межпоколенческими ролями. В Ингушетии эта ситуация осложнена еще и тем, что формироваться как отдельный регион она начала только после распада Советского Союза, а также конфликтом в Пригородном районе в 1992 г. и войной в Чечне [Казенин и др., 2020]. Разрушение государственных институтов приводит к архаизации и укреплению традиционных институтов, дающих защиту и стабильность, которые общество перестает получать от государства [Ахиезер, 2001].

Если начало XXI в. отличалось архаизацией и исламизацией многих регионов Северного Кавказа, то в последние годы наблюдается разрыв между позициями мужчин и женщин. Консервативный подход к гендерным отношениям сохраняется в основном со стороны мужской части населения, тогда как среди женщин все сильнее заметен запрос на эмансипацию [Стародубровская, 2019]. В северокавказском сегменте социальных сетей стали образовываться сообщества феминистской направленности, обсуждающие проблемы женщин на Кавказе, что часто вызывает очень негативную реакцию со стороны более консервативной части социума.

В Ингушетии за последние три года появилось три телеграм-канала такого рода: «Не Феминизм» (2019 г.), «Ингушская женщина» (2021 г.), «Что хочу сказать, Мадо...». Суммарное число подписчиков (на июль 2021 г.) — чуть меньше двух тысяч (таблица).

Феминистские телеграм-каналы Ингушетии

Страница	Количество подписчиков	Год создания	Тематика
«Не Феминизм»	444	2019	Жизнь женщин в Ингушетии
«Ингушская женщина»	482	2021	То же
«Что хочу сказать, Мадо...»	819	2021	Женщины Ингушетии

Самый первый канал, возникший в 2019 г., изначально не позиционировал себя феминистским. Его авторы писали, что не верят в равноправие полов, верят в патриархальный институт семьи и союзы, основанные на уважении, взаимопомощи и взаимопонимании:

Я не хочу показывать мужчинам их место, я лишь хочу показать, какое значительное и яркое место в жизни занимаем мы — женщины. И как они неумело и неблагоприятно к этому относятся («Не Феминизм»).

Однако позже подписчики канала делали репосты текстов, прямо поддерживающих феминизм. В целом и риторика телеграм-канала, и обсуждаемые темы совпадают с феминистскими. Другие же два канала изначально позиционировали себя именно как феминистские:

Феминистки борются за то, чтоб женщины могли распоряжаться своими жизнями и ресурсами сами («Что хочу сказать, Мадо...»);

Я поддерживаю феминизм. И я за то, чтоб женщина сама решала свою судьбу, а не тейп, братья, отцы («Не Феминизм»).

Был проведен контент-анализ всех трех телеграм-каналов, в процессе которого рассмотрены 200 постов за весь период существования каналов. В результате анализа выделены самые часто обсуждаемые темы (рисунок).

Самые часто обсуждаемые темы в феминистских телеграм-каналах Ингушетии

Наиболее часто встречающейся темой стала тема женского обрезания, что связано со скандальной историей, произошедшей в Магасе, где в частной клинике эту процедуру провели девятилетней девочке без согласия матери. История долгое время находилась в центре внимания как региональных, так и центральных СМИ, поэтому активно обсуждалась и в телеграм-каналах. Позднее стали публиковаться истории женщин, прошедших через эту процедуру. Отношение к женскому обрезанию ожидаемо отрицательно: операция представляется калечащей здоровье и насильственной по отношению к детям. Однако консервативная, в основном мужская, часть пользователей социальных сетей считала это внутренним делом семьи и традицией, в которой они не видят ничего плохого.

Следующая по частотности тема — домашнее насилие. Часто публикуются истории женщин, подвергающихся насилию со стороны мужей. Обсуждается факт замалчивания проблемы, ошибочность мнения о том, что нельзя выносить сор из избы. Авторы каналов полагают, что физическое насилие над женщиной часто оправдывается правом мужа «воспитывать» и «наказывать». Поскольку женщина воспринимается как собственность отца, мужа, семьи, тейпа, она абсолютно не защищена от насилия и боится говорить о нем, обращаться за помощью. Отсутствие законов, защищающих женщин, делает ситуацию еще более сложной, и правоохранный, и судебный системы работают скорее по традициям, а не по законодательству России:

У нас оправдывается и домашнее насилие, и ранние браки, и убийство чести. <...> Для нашего общества это является нормой, прикрываемой ширмой из обычаев и религией. <...> На полном серьезе считается, что женщина должна, обязана терпеть несправедливость, насилие просто потому, что так заведено предками («Не Феминизм»).

Приватная сфера жизни в целом остается самой закрытой и табуированной. О насилии говорить боятся, заботясь о чести семьи, фамилии, а иногда и о чести всего народа. Гендерное насилие практически закреплено традицией, культурой, оно прочно укрепилось в менталитете. Женщина в патриархальном обществе привыкла быть жертвой насилия, как физического, сексуального, так и эмоционального. Насилие встречается столь часто, что представляется неотъемлемым звеном жизни и судьбы женщины [Сиражудинова, 2017].

Стоит сказать, что получить помощь женщинам в большинстве случаев негде. Они боятся обращаться в правоохранные органы: там их могут даже не выслушать, особенно если в семье мужа или отца есть родственники в силовых структурах. Обращение к религиозным деятелям также часто ни к чему не приводит, поскольку отсутствуют методы решения проблемы домашнего насилия. Даже если проблема и осознается, а не просто отрицается, ответа на вопрос «что делать» нет.

Феминисток и любых правозащитников, привлекающих внимание к гендерным проблемам на Кавказе, обвиняют в попытках разрушить традиционные семейные ценности. Если обобщить ряд публикаций, можно говорить о том, что основное требование со стороны ингушских феминисток — уважение к женщинам и отношение к ним как к равным:

...говорят, что мы против семейных ценностей. А против каких, хочется спросить? Если вы под семейной ценностью подразумеваете возможность совершать насилие, то да, мы против. Если вы про возможность мужчины изменять, то да, мы против. Если вы про то, что мужчине можно все, а мудрая жена должна терпеть и благодарить, то мы тоже против («Что хочу сказать, Мадо...»);

Нас воспринимают как врагов не потому, что мы враждуем или кого-то ненавидим, а потому, что мы хотим, опять же отклоняясь от традиционных ролей, чтобы к женщинам было больше уважения как к личностям, а не как к хорошим служанкам или снохам. Мы хотим, чтобы женщины были защищены, а именно чтобы женщины не боялись обращаться за помощью после изнасилований, шантажа, чтобы они не терпели побои ради детей, чтоб они не жили с наркоманами, алкашами, изменниками, потому что дома их не хотят принимать (там же).

Часто речь заходит об иерархии гендерных отношений. В семье правым всегда остается мужчина, у него есть поддержка общества, а женщина оказывается на низшей позиции и изначально считается виноватой. Касается это как перекладывания вины за сексуальное и домашнее насилие на женщину («не так себя вела», «не так была одета», «заслужила»), так и отношений в семье. После замужества и перехода в новую семью женщина оказывается, по сути, одна, особенно если молодая семья живет в доме родителей мужа. При любом недовольстве со стороны родственников ее могут выгнать, а мужа редко становятся на сторону жен, чтобы не идти против всей семьи. Вернуться же обратно в отчий дом может далеко не каждая девушка по большей части потому, что разведенные женщины подвергаются сильной дискриминации со стороны общества. Тем более если у них есть дети, которые по традиции остаются с семьей мужа. В таких ситуациях не срабатывает даже российское законодательство, обычно оставляющее детей с матерью.

Во все еще традиционном социуме женщина ориентирована в первую очередь на замужество и ценность ее определяется семейными отношениями и детьми. Выходя замуж, женщина оказывается практически в роли прислуги:

...ингушские жены пахнут, обслуживая бытовые нужды мужа и его родни («Ингушская женщина»);

...женщина оказывается в положении младшего и подчиненного, а семья мужа получает в свое пользование безотказную прислугу («Не Феминизм»).

Даже если женщина предпочитает вписываться в отведенные ей роли жены и матери, экономическая ситуация вынуждает ее работать. Высокий уровень безработицы в регионе, занятость многих людей в теневой экономике с нестабильной заработной платой также вынуждают женщину брать на себя финансовое обеспечение семьи. Это ведет к большей независимости женщин, которые теперь способны жить полностью самостоятельно, обеспечивая себя и детей. Брак перестает быть необходимостью, а если судить по постам феминистских сообществ, он может быть и финансово невыгодным. Однако зачастую женщинам приходится сочетать заботу о детях и бытовые обязанности с материальным обеспечением всей семьи. Это повышает физическую, психологическую и экономическую нагрузку на женщин. Часто обсуждается инфантилизм

мужчин, их нежелание работать, «просиживание на диване», в то время как жена не только занимается обслуживанием мужа и его семьи, но и обеспечивает всех финансово.

Авторы каналов отмечают также разрыв в образовании между мужчинами и женщинами:

В обществе, где мужчины вызывают всеобщее признание и уважение, когда понятным является только язык силы, высмеиваются прилежные мальчики с намеком на интеллект, впоследствии мы видим, что к средним классам многие мальчики забрасывают учебу, чтобы быть как все. Это приводит к тому, что мы получаем мужчин, стремления которых направлены не на саморазвитие и дальнейшее образование, а на поддержание мнимого провинциального (в плохом понимании этого слова) престижа в своей же среде.

Создается ситуация, в которой социокультурный разрыв между полами образует стену недопонимания и конфликты между мужчинами и женщинами внутри браков («Не Феминизм»).

Социокультурный разрыв между мужчинами и женщинами в целом становится все более заметным. Девушка с высшим образованием воспринимается семьей жениха как более «ценная», поскольку образование дает ей больше возможностей трудоустройства. Но становление личности в процессе получения высшего образования и изменение мировоззрения могут приводить к возникновению абсолютного непонимания между будущими супругами, цели которых оказываются разными. В таких ситуациях девушке зачастую приходится вписываться в предлагаемую ей роль.

Особый интерес представляет отношение феминисток к исламу. Во многих феминистских сообществах, в том числе и общекавказских, любая религия называется патриархальной, а следовательно, несправедливой по отношению к женщине. Однако феминистки Ингушетии не отрицают ислам, напротив, стараются показать искаженность толкования религии исключительно в пользу мужчин:

Когда дело касается развода по инициативе женщины, все сразу вспоминают о том, что это самое ненавистное Господом из дозволенного. Хотя сам Аллах об этом в Коране не сказал.

Далее, начинают упоминать хадисы, где говорится, что женщина не почувствует и запаха Рая. Также о том, что такая женщина лицемерка.

Что происходит, когда развестись хочет мужчина?

— Ну, развод-то в Исламе дозволен («Что хочу сказать, Мадо...»).

Говорят и о несоответствии в целом «рабской» позиции, в которую поставлена женщина, исламу:

...бояться нужно одного Бога, а не мужа.

В Коране сказано: «Праведные женщины покорны». Что переводится как покорны Богу. Там про мужей не сказано. Но ученые от себя туда приписали мужей в толкованиях. И так пошло («Что хочу сказать, Мадо...»).

Несправедливое отношение к женщинам, их незащищенность, все правила и традиции, работающие не в их пользу, вызывают желание не быть частью ингушского общества:

Если наши женщины не будут знать свои права, если будут думать, что адаты и шариат не предоставляют им никаких прав, это кончится просто тем, что они скажут: «Да ну вас, я не хочу быть ни вайнашкой, ни мусульманкой, раз это так плохо для меня».

Кто-то может подумать, что это пустая страшилка, но я знаю немало случаев, когда наши женщины выходили замуж за мусульман-иностранцев, объясняя это именно тем, что они хотят нормальной семейной жизни... («Что хочу сказать, Мадо...»).

Призывы ни в коем случае не выходить замуж за вайнахов достаточно часто появляются на многих страницах в социальных сетях. Высокий отток населения из регионов Кавказа из-за положения женщины может только усилиться. В общекавказских феминистских группах практически ежемесячно встречаются просьбы о помощи с побегом из дома из разных регионов как Северного Кавказа, так и Закавказья. В этих группах больше подписчиков, в связи с чем получить финансовую помощь и найти человека, который может предоставить жилье на первое время, гораздо проще.

Обсуждение национальной идентичности ингушей также представляется интересным. Феминистские телеграм-каналы одни из первых стали рассуждать о содержании понятия «ингуш». Вопрос о необходимости сохранения традиций независимо от их полезности для реальной жизни и их справедливости ставится все чаще.

Национальная идентичность — это рамка, которая, как и все рамки, с одной стороны, дает ощущение безопасности, а с другой — ограничивает («Что хочу сказать, Мадо...»);

Ингуши стремятся сохранить свою идентичность не из любви к ней, а из страха. Если бы мы действительно любили свое общество и культуру, то в первую очередь не стыдили бы тех, кто говорит о наших проблемах, вместо этого мы стремились бы решить их (там же).

Одновременное существование архаизации и глобализации в социуме северокавказских регионов приводит к постоянным конфликтам между разными поколениями, внутри одного поколения, а также к конфликтам между гендерами. Социокультурный разрыв между разными группами общества становится все глубже и непримиримее. Когда к этому разрыву добавляется физическое насилие, никем не контролируемое и не наказываемое, ситуация только ухудшается. Системы, которая могла бы защищать угнетаемую часть населения, либо не существует, либо она не работает. Небольшое количество правозащитных организаций не может справиться с масштабами проблемы.

Традиционный вариант семейных отношений все слабее вписывается в реалии современной жизни. Из-за высокого уровня безработицы и низких зарплат женщины все чаще вынуждены сочетать воспитание детей и домашний быт с работой, что, с одной стороны, изматывает их психологически и физически, а с другой — дает им большую финансовую свободу. Брак перестает быть

необходимостью, а становится скорее препятствием к комфортной жизни, о которой говорят во всех медиа, предлагающих новые модели поведения и отношений. Наличие же очевидных проблем в гендерных и семейных отношениях, наблюдение за насилием, которому подвергаются женщины, делают брак еще менее притягательной перспективой для молодых девушек. Ежедневная практически обыденная несправедливость по гендерному признаку может усилить отток женской части населения из регионов Кавказа, что приведет к ухудшению демографической ситуации.

Северный Кавказ всегда был сложным регионом, сочетающим в себе множество социокультурных систем. При отсутствии общегосударственной системы ценностей, ослабевающей системе национальных ценностей и наличии свободного потока информации каждый член общества может выбирать свою систему ценностей, подстраивая ее под свои реалии.

Изменение гендерных и семейных отношений происходит во всех республиках Северного Кавказа. Многие молодые образованные девушки не хотят вписываться в старые, не соответствующие современным реалиям традиции и обычаи. Возможность работать и обеспечивать себя самостоятельно также дает им большую свободу. Хороши или плохи эти изменения, не так важно. Процессы, происходящие в социуме, приводят к значительному разрыву не только между поколениями, но и между гендерами внутри одного поколения. Чем больше будет разрыв, тем более вероятны конфликты. Это тоже не может не отразиться на демографической ситуации, и так в последнее время ухудшающейся в СКФО.

Список источников

- Ахиезер А. С.* Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // *Общественные науки и современность.* 2001. № 2. С. 90—100.
- Верещагина А. В., Кротов Д. В., Самыгин С. И.* Трансформация семейно-брачных ценностей молодежи на Юге России: архаизация, традиционализация, модернизация? // *Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки.* 2020. № 2. С. 31—35.
- Габараева М. Р.* Смена поколений и систем ценностей в регионах СКФО на примере гендерных и семейных отношений // *Kavkaz-forum.* 2021. № 6. С. 124—133.
- Казенин К. И., Козлов В. А., Митрофанова Е. С.* Как изменения гендерных и межпоколенческих отношений влияют на демографическое поведение?: случай Ингушетии // *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены.* 2020. № 4. С. 342—365.
- Сиражудинова С. В.* «Я не могу сказать!»: к проблеме домашнего и сексуального насилия в республиках Северного Кавказа: (по материалам социологического исследования в Республике Дагестан) // *Женщина в российском обществе.* 2017. № 4. С. 26—35.
- Стародубровская И. В.* Кризис традиционной северокавказской семьи в постсоветский период и его социальные последствия // *Журнал исследований социальной политики.* 2019. Т. 17, № 1. С. 39—56.
- Bograd M.* Feminist perspectives on wife abuse: an introduction // *Feminist Perspective on Wife Abuse.* Beverly Hills: Sage, 1988. P. 11—26.
- Dobash R. P., Dobash R. E.* Violence against Wives: a Case against the Patriarchy. New York: Free Press, 1979. 350 p.

References

- Akhiezer, A. S. (2001) Arkhaizatsiia v rossiiskom obshchestve kak metodologicheskaia problema [Archaization in Russian society as a methodological problem], *Obshchestvennye nauki i sovremennost'*, no. 2, pp. 90—100.
- Bograd, M. (1988) Feminist perspectives on wife abuse: an introduction, *Feminist Perspective on Wife Abuse*, Beverly Hills: Sage, pp. 11—26.
- Dobash, R. P., Dobash, R. E. (1979) *Violence against Wives: a Case against the Patriarchy*, New York: Free Press.
- Gabaraeva, M. R. (2021) Smena pokolenii i sistem tsennostei v regionakh SKFO na primere gendernykh i semeinykh otnoshenii [The change of generations and value systems in the regions of the North Caucasus Federal District on the example of gender and family relations], *Kavkaz-forum*, no. 6, pp. 124—133.
- Kazenin, K. I., Kozlov, V. A., Mitrofanova, E. S. (2020) Kak izmeneniia gendernykh i mezhpokolencheskikh otnoshenii vliiaut na demograficheskoe povedenie?: Sluchai Ingushetii [How do changes in gender and intergenerational relations affect demographic behavior?: The case of Ingushetia], *Monitoring obshchestvennogo mneniia: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny*, no. 4, pp. 342—365.
- Sirazhudinova, S. V. (2017) “Ia ne mogu skazat'!”: K probleme domashnego i seksual'nogo nasiliia v respublikakh Severnogo Kavkaza: (Po materialam sotsiologicheskogo issledovaniia v Respublike Dagestan) [“I can't say!”: On the problem of domestic and sexual violence in the Republics of the North Caucasus: (Based on the materials of a sociological study in the Republic of Dagestan)], *Zhenshchina v rossiiskom obshchestve*, no. 4, pp. 26—35.
- Starodubrovskaia, I. V. (2019) Krizis traditsionnoi severokavkazskoi sem'i v postsovetiskii period i ego sotsial'nye posledstviia [The crisis of the traditional North Caucasian family in the Post-Soviet period and its social consequences], *Zhurnal issledovaniia sotsial'noi politiki*, vol. 17, no. 1, pp. 39—56.
- Vereshchagina, A. V., Krotov, D. V., Samygin, S. I. (2020) Transformatsiia semeino-brachnykh tsennostei molodzhi na Iuge Rossii: arkhazatsiia, traditsionalizatsiia, modernizatsiia? [Transformation of family and marriage values of young people in the South of Russia: archaization, traditionalization, modernization?], *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki*, no. 2, pp. 31—35.

Статья поступила в редакцию 08.08.2021; одобрена после рецензирования 09.11.2021; принята к публикации 14.11.2021.

The article was submitted 08.08.2021; approved after reviewing 09.11.2021; accepted for publication 14.11.2021.

Информация об авторе / Information about the author

Габараева Марина Руслановна — младший научный сотрудник лаборатории прикладной социологии и конфликтологии, Владикавказский научный центр Российской академии наук, г. Владикавказ, Россия, mariina95@yandex.ru (Junior Researcher at the Laboratory of Applied Sociology and Conflictology, Vladikavkaz Scientific Center of the Russian Academy of Sciences, Vladikavkaz, Russian Federation).